

Эррико Малатеста
Идеал и Реальность
1 февраля 1924

Pensiero e Volontà, год 1-й, №3

ru.anarchistlibraries.net

Идеал и Реальность

Эррико Малатеста

1 февраля 1924

ИДЕАЛ И РЕАЛЬНОСТЬ

Оставим в стороне «философские» определения, то есть сложные, туманные... и бесплодные. Идеал означает: то, чего желают. Реальность означает: то, что есть.

Специфически человеческой чертой является быть недовольным тем, что есть, всегда желать чего-то лучшего, стремиться к большей свободе, к большей силе, к большей красоте. Человек, который находил бы всё хорошим, который думал бы, что всё, что есть, должно быть таким, и не должно и не может измениться, и который спокойно приспособлялся бы, без борьбы, без протеста, без порыва к бунту, к положению, которое ему создают обстоятельства, был бы меньше, чем человеком: он был бы... растением, если вообще позволительно так говорить, не клевета на растения.

Но, с другой стороны, человек не может быть и не может делать всё, что хочет, потому что он детерминирован, принуждён не только грубой внешней природой, но и действи-

ем всех других людей, социальной взаимозависимостью¹, которая, хочет он того или нет, связывает его с судьбой всего человеческого рода.

Следовательно, нужно стремиться к тому, чего хочешь, делая то, что можешь.

Тот, кто приспособлялся бы ко всему, был бы жалким существом, сравнимым, как я говорил, с растением. Тот же, кто полагал бы, что может делать всё, что хочет, не считаясь ни с волей других, ни со средствами, необходимыми для достижения цели, ни с обстоятельствами, в которых он находится, был бы просто ловцом облаков, обречённым быть вечно жертвой, не продвинув ни на шаг дело, которое ему дорого.

Итак, проблема для нас, анархистов – поскольку цель этого нашего издания² состоит в том, чтобы приносить посильную пользу анархическому движению, – проблема для нас, анархистов, которые рассматривают анархию не как прекрасные грезы, о которой мечтают при свете луны, а как способ индивидуальной и общественной жизни, который нужно реализовать для наибольшего блага всех, – проблема, говорим мы, состоит в том, чтобы направлять наши действия так, чтобы получать максимальный полезный эффект в различных обстоятельствах, которые история создаёт вокруг нас.

Не следует игнорировать реальность; но если она плоха, нужно с ней бороться, используя все средства, которые сама реальность нам предоставляет.

Когда разразилась мировая война, пагубные последствия которой пока ещё очевидны, – тогда в некоторых кругах, которые называли себя и, возможно, даже были ранее революционными, много говорили о «реальности».

¹ solidarietà

² Журнал «Pensiero e Volontà».

это»³, мы не подумали о том, чтобы подготовиться, дабы другие не могли навязать себя нам.

Словом, нам недоставало практической программы, осуществимой на следующий же день после победоносного восстания, такой, которая, не нарушая ничьей свободы, позволила бы нам осуществить или начать осуществление наших идей и привлекла бы к нам массы примером и доказательством превосходства наших методов.

И потому та часть народа, которая стремится к освобождению и которая будет делать новую историю, не поняла нас и в значительной степени приняла либо авторитарный и угнетательский коммунизм, либо гибридный⁴ синдикализм.

И мы оказались бессильны, когда обстоятельства казались наиболее благоприятными.

Пора исправить эти наши недостатки, чтобы быть готовыми к будущим событиям, которые не замедлят представиться.

И именно к этой работе по выработке практической программы немедленных осуществлений мы призываем всех наших друзей.

ЭРРИКО МАЛАТЕСТА.

³ Малатеста цитирует «Божественную комедию» (Ад) Данте. Фраза о чёрте, который хочет покаяться, чтобы продолжать грешить, – из-за такого намерения покаяние невозможно. Фраза дословно переведена только в переводе Бориса Зайцева.

⁴ То есть, не полностью анархистский, ни полностью марксистский, представляющий собой непоследовательную смесь идей и при этом «самодостаточную», не нуждающуюся в идее извне.

Все полусознательные люди, все те, кто искал почётный предлог, чтобы загладить свои юношеские заблуждения и примкнуть к любой кормушке, все уставшие, которым не хватало честного мужества объявить себя таковыми и удалиться в частную жизнь, – а таких было много среди социалистов и немало также среди анархистов, – приняли и проповедовали войну «потому что это был факт», опираясь на присоединение к этой поддержке войны некоторых благородных людей и кое-где, добросовестно, совращённые ошибочным пониманием истории и всей лживой пропагандой, поверили, что речь действительно идёт об освободительной войне, и участвовали в ней, расплачиваясь лично.

И сегодня не недостаёт тех, кто присоединяется к фашизму «потому что это факт», и скрывают, и думают оправдать свою преданность и своё предательство, говоря о фашизме, как раньше о войне, что его цель революционна.

Да, мировая война и «мир», который из неё последовал, – это реальность, как были реальностью все прошедшие войны, все массовые убийства и все торги народами. Реальность – фашистская дубинка, как была реальностью немецкая палка, «которая не укротила Италию!».

К сожалению, реальностью являются также все угнетения, вся нищета, вся ненависть, все преступления, которые терзают, разделяют и унижают людей.

Неужели же нужно всё принять, всему подчиниться, потому что такова ситуация, которую создала нам история?

Весь человеческий прогресс состоит из борьбы против природных реалий и социальных реалий. А мы, желающие максимального прогресса, наибольшего возможного счастья для всех человеческих существ, осаждены и теснимы со всех сторон враждебными реалиями, и против этих реалий мы должны бороться. Но чтобы бороться с ними, мы должны их знать и учитывать.

Анархия, чтобы восторжествовать или хотя бы просто продвигаться к своему торжеству, должна быть задумана не только как сияющий маяк, который освещает и притягивает, но и как нечто возможное, осуществимое не в течение веков, а в относительно короткое время и без нужды в чудесах.

Итак, мы, анархисты, много занимались идеалом; мы подвергли критике всю ложь морали и все общественные учреждения, которые развращают и угнетают человечество, мы описали с той долей поэзии и красноречия, какой мог обладать каждый из нас, желанное гармоничное общество, основанное на доброте и любви; но, надо признаться, мы мало занимались путями и средствами для осуществления наших идеалов.

Признав необходимость революционного движения, или вернее, восстания, которое должно снести материальные препятствия – политическую власть и монополию на средства труда, – препятствующие пропаганде и опытно-му осуществлению наших идеалов, мы думали, или делали вид, что думаем, будто всё уладится само собой, без предварительного плана, естественно, спонтанно, – и отвечали на возникающие трудности абстрактными формулами и оптимизмом, который противоречит текущим и предвидимым фактам. Словом, мы всё решили, предположив, что люди захотят именно того, чего хотим мы, и что всё устроится точно по нашим желаниям.

Правительства все зловерны! Что ж, «мы все их упраздним и не допустим, чтобы образовались новые». Но как? какими силами? «Народ или пролетариат об этом позаботится». А если не позаботится?

«Каждый будет делать, как захочет». Но если эти «каждые», которые, объединившись, образуют толпу, захотят обратного тому, чего хотим мы, – подчинятся тирану и позволят использовать себя как орудие против нас?

Если крестьяне откажутся снабжать города продовольствием? «Крестьяне не дураки и поспешат привезти в город продукты питания, чтобы получить промышленные товары... или обещания, что товары, которые ещё предстоит произвести, будут предоставлены,».

Если люди не захотят работать? «Труд – удовольствие, и никто не захочет себя лишать его».

Если появятся преступники, которые посягнут на жизнь или свободу других? «Больше не будет преступников».

И так далее, отвечая на всё беспочвенными утверждениями и отрицаниями, отрицая всё плохое, предполагая осуществлённым всё хорошее.

Были даже такие, кто в пылу энтузиазма, предвосхищая, возможно, на века результаты, на которые можно надеяться от образования и енгеники (науки и искусства хорошо производить потомство), уже на следующий день после победоносного восстания предвидел человечество, состоящее сплошь из людей добрых, умных, здоровых, сильных и красивых!

Истина в том, что мы всегда вращались в порочном кругу. В то время как, с одной стороны, мы утверждали, что масса не может нравственно освободиться, пока сохраняются нынешние условия политического и экономического подчинения, с другой стороны, мы предполагали, что события будут разворачиваться так, как если бы эта масса уже состояла вся, или в большинстве, из сознательных и развитых индивидов, ревнивых к собственной свободе и уважающих свободу других. В то время как мы утверждали, что анархия, которая вся соткана из свободы, не может навязываться силой, «из-за противоречия, не позволяющего